



DOI: 10.25178/nit.2020.3.18

## Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы)

Юрий В. Попков

Институт философии права Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация



В статье в дискуссионном порядке решаются три основные задачи: 1) дается содержательная интерпретация произошедшего в России этнологического поворота; 2) рассматриваются концептуальные основы, фундаментальные ориентиры и проблемные зоны современной российской государственной национальной политики; 3) обобщается опыт ее реализации на примере Республики Тыва путем экспликации содержащихся в официальных документах ориентиров национальной политики данного региона и дается оценка степени их соответствия реальным актуальным проблемам этносоциального развития республики.

Суть этнологического поворота состоит в переходе от примордиалистского к конструктивистскому подходу в трактовке этнического феномена и многих связанных с ним явлений. Это выразилось в замене «этноса» как базового понятия в исследовании данного феномена на «этничность», которая, по существу, сводится к этнической идентичности. Эффекты конструктивизма нашли отражение в стратегических ориентирах и программном обеспечении государственной национальной политики, которые несут на себе отпечаток серьезных проблем и противоречий этнологического поворота. В результате две фундаментальные для Стратегии государственной национальной политики проблемы, касающиеся концептов российской нации и этнокультурного многообразия с их акцентом на идентичность, оказались, по мнению автора, ограниченными и недостаточно проработанными.

Показано, что слабым местом Стратегии является отсутствие должного внимания к региональным особенностям этносоциального развития и игнорирование задачи по выделению базисных региональных моделей национальной политики. Установка на внедрение единых стандартов без учета регионального своеобразия формализует практическую работу и определяет формирование модели централизации национальной политики как доминирующей.

Каким образом и насколько полно особенности этносоциального развития современной Тувы и существующие проблемы отражаются в проводимой региональной национальной политике, ее целевых ориентирах и актуальных задачах? Автор делает вывод: содержание современных официальных программных документов по реализации национальной политики в республике в существенной степени формализовано, текстуально и содержательно больше соответствуют не особенностям этносоциального развития данного региона, а провозглашенным в Стратегии общим целевым ориентирам, в значительной степени базирующимся на конструктивистском концептуальном фундаменте. Такой подход снижает эффективность государственной региональной национальной политики.

**Ключевые слова:** этнологический поворот; национальная политика; этносоциальный процесс; этнокультурное многообразие; региональная политика; Россия; Тува



### Для цитирования:

Попков Ю. В. Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы) // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 253–268. DOI: [www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.18](http://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.18)



Попков Юрий Владимирович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: [yuripopkov54@mail.ru](mailto:yuripopkov54@mail.ru)

**POPKOV, Yuri Vladimirovich**, Doctor of Philosophy, Professor; Chief Researcher, Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: [yuripopkov54@mail.ru](mailto:yuripopkov54@mail.ru)

ORCID ID: [0000-0002-1036-9253](https://orcid.org/0000-0002-1036-9253)



## Contemporary Russian national policy: conceptual and target bases and implementation experience (the case of Tuva)

**Yuri V. Popkov**

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

*The article discusses three main issues: 1) provides an interpretation of the nature of the ethnological turn in Russia; 2) examines the conceptual basics, fundamental guidelines and problem areas of state national policy in contemporary Russia; 3) summarizes the experience of its implementation in the Republic of Tuva by explicating the guidelines of the national policy of this region contained in official documents, also reviewing their compliance with the actual problems of ethnic and social development of the republic.*

*The essence of the ethnological turn consists in the transition from the primordialist to the constructivist approach in the interpretation of the ethnic phenomenon and other related phenomena. This is reflected in the change in the basic concept of the study, where 'ethnos' is replaced with 'ethnicity', which is basically reduced to ethnic identity. The effects of constructivism are reflected in the strategic guidelines and state national policy program, which bears the imprint of serious issues and contradictions of the ethnological turn. As a result, two fundamental problems for the strategy of state national policy, concerning the concepts of the Russian nation and ethnocultural diversity with their emphasis on identity, were limited and insufficiently developed.*

*The article shows the absence of the proper attention to regional peculiarities of ethnosocial development and ignoring the task of classifying basic regional models of national policy as the weak points of the strategy. The goal of implementing common standards without considering regional diversities formalizes practical work and determines the formation of a centralization model of national policy as its dominant.*

*How and to what extent are the features of the ethnosocial development and the existing problems of modern Tuva reflected in the current regional national policy, in its targets and current tasks? The author concludes that the content of contemporary programmatic documents on the implementation of national policy in the republic is largely formalized. Textually they correspond less to the ethnosocial development of the region, and more to the general objectives of the strategy, which are largely based on a constructivist concepts. This approach decreases the efficiency of the state regional national policy.*

**Keywords:** *ethnological turn; national policy; ethnosocial process; ethnocultural diversity; regional police; Russia; Tuva*



**For citation:**

Popkov Yu. V. *Sovremennaya rossiiskaya natsional'naya politika: kontseptual'no-tselevye osnovy i opyt realizatsii (na primere Tuvy)* [Contemporary Russian national policy: conceptual and target bases and implementation experience (the case of Tuva)]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 253–268. (In Russ.). DOI: [www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.18](http://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.18)

### Введение

Государственная национальная политика в постсоветской России характеризуется неустойчивостью ее фундаментальных целевых установок и реального содержания, что определяется комплексом факторов. Среди них определяющее значение, на наш взгляд, имеют: во-первых, произошедшие в стране кардинальные экономические, политические и социокультурные трансформации 1990-х гг.; во-вторых, обусловленные этими трансформациями динамизм и неоднозначность этносоциальных процессов; в-третьих, изменчивость официально принимаемых базисных ориентиров государственной политики в этой области. Гораздо менее очевидными, но не менее значимыми, выступают концептуальные основания национальной политики — основополагающие теоретико-методологические установки во взглядах на ее содержание и роль в обществе, а также соответствующие представления о сути лежащего в основе данной политики этнического феномена, особенностей его проявлений, перспектив существования и места в общенациональном (гражданском) строительстве. Именно концептуальные основания определяют целевые установки официальных доктринальных документов, в соответствии с которыми выстраивается конкретная практика управления.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, принятая в 2012 г. и скорректированная в 2018 году<sup>1</sup> (далее — Стратегия), является в настоящее время основным документом, определяющим содержание данного направления внутренней политики госу-

<sup>1</sup> Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 13.02.2020).



дарства. На ее основе были приняты Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (2013 г.)<sup>1</sup> (далее — Федеральная программа) и Государственная программа «Реализация национальной политики» (2016 г.)<sup>2</sup> (далее — Государственная программа). Вместе они играют важную роль в развитии российского общества и сам факт их наличия заслуживают высокой положительной оценки.

Стратегия в целом выстроена в рамках определенной научной парадигмы, но и после приятых поправок в ней остаются серьезные проблемные зоны, противоречия и концептуальные пробелы, требующие серьезного обсуждения. Данную проблему нам уже приходилось подробно анализировать (из последних работ см.: Попков, 2019, 2020). В частности, мы отстаиваем целесообразность выделения базовых региональных моделей национальной политики (для разных типов регионов) в силу широкого разнообразия российских субъектов федерации и существующих здесь актуальных проблем в данной сфере.

Настоящее исследование представляет собой развитие ранее полученных автором концептуально значимых результатов в контексте возможностей их применения в реальной практике управления с учетом особенностей состояния и динамики конкретной этносоциальной ситуации. Основными задачами статьи являются: 1) выявление содержания произошедшего в постсоветский период этнологического поворота и эффекта его отражения в современной национальной политике России; 2) фиксация базисных концептуальных основ, фундаментальных ориентиров и проблемных зон современной российской государственной национальной политики; 3) экспликация содержащихся в официальных документах ориентиров современной государственной национальной политики Республики Тыва и оценка степени их соответствия реальным актуальным проблемам этносоциального развития региона. Республика Тыва выбрана в качестве объекта конкретного анализа, поскольку она по этносоциальным параметрам существенно отличается от «среднестатистического» региона России, поэтому для нее актуальными являются особые региональные ориентиры национальной политики, помимо содержащихся в Стратегии общецелевых установок.

Проблемы этносоциального развития Тувы находятся в поле зрения ученых не одно десятилетие. Подробному анализу основных этапов этносоциальных исследований посвящены специальные обобщающие статьи З. В. Анайбан (Анайбан, 2008) и Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2016). В них содержится важная информация о проблематике и организации данных исследований. Авторы, в частности, делают акцент на том, что эти исследования, начатые в 1970-х гг., проводились тувинскими коллегами изначально в сотрудничестве с новосибирскими, позднее и московскими этносоциологами. Из местных специалистов серьезный вклад в разработку данной проблематики в 1990-е гг. внесли З. В. Анайбан и Г. Ф. Балакина, прежде всего своими монографическими изданиями (Балакина, Анайбан, 1995; Анайбан, 1999). Позднее целую серию монографических работ по тувиноведению опубликовала Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2008, 2010, 2013ab, 2018).

Отдельного упоминания заслуживает проведенный в Правительстве Республики Тыва в 1998 г. по приглашению З. Ю. Доржу международный семинар «Этносоциальные процессы в Сибири». К участию в нем были привлечены многие тувинские исследователи. Его материалы опубликованы в объемном тематическом сборнике с тем же названием (Этносоциальные процессы ... , 2000). Помимо прочего в нем представлена разносторонняя характеристика современных этносоциальных процессов в Туве.

С 2009 г. главным периодическим научным изданием по тувиноведению, в том числе по рассматриваемой проблематике, является журнал «Новые исследования Тувы». С 2016 г. он начал выходить с обозначением специальной темы для каждого номера, и первый такой номер — № 2 — был посвящен этносоциальным процессам современной Тувы<sup>3</sup>. Следует назвать еще несколько тематических номеров, которые содержат важную информацию по разным аспектам этносоциальных исследований:

<sup>1</sup>Постановление Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70339260/> (дата обращения: 13.07.2020).

<sup>2</sup>Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 N 1532 (ред. от 31.03.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» [Электронный ресурс] // Консультант. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_210753/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/) (дата обращения: 13.07.2020).

<sup>3</sup><https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/7>



«Проблемы экономической культуры и деловой этики тувинцев в XXI веке» (Новые исследования Тувы. 2018, № 2)<sup>1</sup>, «Взаимосвязь этнокультуры, экономики, этнодемографических процессов в пространственном развитии Тувы» (Новые исследования Тувы. 2019, № 3)<sup>2</sup>. В последнее время В. С. Кан опубликовала несколько статей, непосредственно касающихся этносоциальных процессов в Туве (Кан, 2015, 2016).

В отмеченных выше и других публикациях содержится обширная информация, дающая представление о современных этносоциальных процессах в Туве, существующих здесь противоречиях, проблемах и тенденциях.

### ***Этнологический поворот и его проявление в российской национальной политике***

Специалистам хорошо известно, что, начиная с 1990-х гг., стараниями влиятельного в научных и политических кругах В. А. Тишкова и его сторонников-конструктивистов в отечественной социогуманитаристике произошел кардинальный поворот в изучении этнического феномена. Свою задачу академик изначально видел в пропаганде и внедрении конструктивистской методологии и ревизии советской теории этноса, к которой он относится крайне негативно и обозначает её «так называемой» (Тишков, 2018: 10). По его признанию, он решал вполне определенную задачу: «...собственными трудами я старался хоронить советский этнопримордиализм» (Тишков и др., 2020: 121). В итоге базовое понятие советской этнографии «этнос» было выведено из ее оборота и заменено на «этничность», которая, по сути, сводится к «этнической идентичности» (Малахов, 2001: 108; Тишков и др., 2020: 114). Сам В. А. Тишков феномен этничности также трактует как одну из форм коллективной идентичности (Тишков, 2016: 5). Даже гражданская нация у него есть не что иное, как форма коллективной идентичности<sup>3</sup>.

Начало этнологического поворота ознаменовалось официальной заменой этнографии на этнологию, что нашло отражение в изменении и названия главного в Академии наук СССР института, занимающегося изучением этнических проблем. Как пишет академик в статье с названием, отражающим суть отмеченного поворота,

«этнос ушел из языка этнологов, за исключением некоторой части исследователей и вузовских преподавателей, которые не следят за современными тенденциями. Этому способствовали развитие самого научного знания и более полная информированность отечественных специалистов о мировом научном контексте» (Тишков, 2016: 6).

Иначе говоря, российская этнология достойно влилась в «прогрессивный» водоворот мирового тренда.

Безусловно, для истинного исследователя необходимое условие его профессионализма — быть в курсе происходящего в мировой науке. Но так ли уж хорошо и продуктивно наотрез отказаться от своей собственной научной традиции и принять традицию чужую, хотя и вроде бы «продвинутую»? Вспоминаю слова французской исследовательницы Мишель Дебрени, профессора научно-исследовательской лаборатории Университета Paris-Quest из Парижа, которую мы пригласили выступить перед слушателями нашей школы молодых этносоциологов в 2012 г. Она сказала, что во Франции подобную школу никто бы не разрешил провести, поскольку этническую тему у них не принято не только исследовать, но и публично обсуждать. Как представляется, такая позиция в отношении данной темы является одной из составляющих разразившегося в Западной Европе миграционного кризиса и краха государственной политики мультикультурализма. На самом деле имеет место более широкая и масштабная проблема — кризис всей национальной политики (в традиционном для нас понимании этого термина) в ряде западных стран.

Если в этнологических исследованиях, бессменным руководителем организации которых в России вот уже 30 лет является В. А. Тишков, понятие этноса как таковое практически ушло из употребления, то в других социогуманитарных науках оно, как и этническая проблематика в целом, получило широкое распространение. Академик считает данный факт причудливыми метостазами «теории этноса» (Тиш-

<sup>1</sup> <https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/38>

<sup>2</sup> <https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/43>

<sup>3</sup> Тишков В. Что есть нация. В поисках российской идентичности // Независимая газета. 2017. 24 января. URL: [http://www.ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9\\_6910\\_nacia.html](http://www.ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9_6910_nacia.html) (дата обращения: 20.04.2020).



ков, 2016: 5; Тишков и др., 2020: 80). В отличие от него, мы рассматриваем его как свидетельство усложнения разносторонних проявлений этнического феномена и соответствующего расширения научной этнической проблематики, что вызвано прежде всего неоднозначными последствиями глобализации и современных миграционных процессов.

Было бы полбеды, если бы рассматриваемая проблема изменения отношения к этническому феномену касалась чисто научного дискурса. Но у нас пошла по западному пути и в реальной практической политике, касающейся регулирования процессов этносоциального развития и находящей отражение в государственной национальной политике. Достаточно сказать, что 1990-е гг. характеризовались неопределенностью в вопросе о месте национальной политики в структуре государственной власти, о чем говорит, в частности, многократное изменение статуса, названия и афiliationи соответствующего ведомства с другими направлениями государственной политики. В 2001 г. было вообще ликвидировано министерство, в ведении которого находилась национальная политика. Назначенный министром «без портфеля» В. Ю. Зорин, оценивая позднее причину такого кардинального решения, писал:

«Победила либеральная западная модель отношений к этнической политике. Государство ушло из этой сферы, отдав все на откуп гражданскому обществу. А оно пока не готово... Министерства и ведомства, отвечающие за государственную национальную политику, были ликвидированы практически во всех субъектах Федерации, а специалисты, работавшие в них, покинули госслужбу»<sup>1</sup>.

Известно, что «страусиная позиция» в отношении этнического феномена и национальной политики была поколеблена конфликтными событиями на Манежной площади Москвы в декабре 2010 г.<sup>2</sup> После этого на официальном уровне произошло осознание важности данной проблемы как требующей серьезного государственного внимания и регулирующего воздействия, что нашло отражение в принятой в декабре 2012 г. Стратегии государственной национальной политики.

Утверждение данной Стратегии, подкрепленное последующим принятием федеральной и государственной программ и других важных решений, говорит о подключении ресурсов государства как самого мощного социального института для решения проблем в рассматриваемой области общественной жизни. Иными словами, речь идет об активном использовании институциональных механизмов в отношении разных проявлений этнического феномена.

Важно при этом отметить, что сама Стратегия несет на себе отпечаток серьезных проблем и противоречий этнологического поворота. К их числу относится тесное переплетение в ней эффектов примордиализма и конструктивизма. Например, признается наличие этнических общностей и этнических культур, по крайней мере, на терминологическом уровне. В то же время в качестве главного целевого показателя реализации Стратегии обозначается достижение определенного уровня общероссийской гражданской идентичности. Это свидетельствует о серьезной борьбе сторонников отечественных традиций в исследовании этнического феномена и обозначенных этнологических новаций при разработке и принятии Стратегии. Она находит отражение теперь уже не в рамках чисто научного дискурса, а в важных государственных документах, служащих руководством в повседневной практической деятельности.

### ***Концептуальные основы и проблемные вопросы российской государственной национальной политики***

В последнее время наиболее подробное описание истории постсоветской российской национальной политики в единстве с трансформацией фундаментальных основ отечественной этнологической мысли и отражением этой трансформации в соответствующих стратегических государственных документах, а также с учетом своего личного вклада в разработку научных и доктринальных основ национальной политики дал академик В. А. Тишков в обобщающей статье «Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачева до Путина)» в журнале «Вестник российской нации» (Тишков, 2018). Важно еще раз подчеркнуть, что В. А. Тишков — не просто статусный, но очень влиятельный в российской науке и политике человек. По его собственному признанию, он все это время находился

<sup>1</sup> Зорин, В. (2012) Мы часто выдаем причину за следствие и наоборот... // Российская Федерация сегодня. № 22. С. 19.

<sup>2</sup> Беспорядки на Манежной площади в Москве 11 декабря 2010 года [Электронный ресурс] // РИА-Новости. 2015. 11 декабря. URL: <https://ria.ru/20151211/1339040841.html> (дата обращения: 20.04.2020).



«в центре научной и общественной жизни страны и как директор ИЭА РАН оказывал влияние на академическую стратегию и институциональные перемены» (Тишков и др., 2020: 72).

Статья содержит важный и интересный материал о противоречивых процессах национального строительства в позднем СССР и постсоветской России, а также о дискуссиях и неоднозначности содержания базисных понятий национальной политики — «нация», «народ», «самоопределение» и др. Но главное, на чем делает акцент автор, — это основное достижение и основной результат многолетней борьбы как в научной, так и в политической областях, и их В. А. Тишков связывает с формированием и закреплением в Стратегии концепта российской нации в гражданско-политическом смысле, в трактовке России как государства-нации, а российского народа — в качестве полиэтничной гражданской нации (Тишков, 2018: 12), с обоснованием российского национального проекта и его основной формулы «единства в многообразии» (там же: 29–30).

Если не вдаваться в дискуссию о том, насколько актуальной и отвечающей реалиям современности является задача формирования национального государства как определенного типа государственного устройства (достаточно распространенной является точка зрения, что оно, как и национальная идентичность вообще, переживает кризисные времена, см.: Федотова, 2019), то в основе своей вывод В. А. Тишкова и обозначенные им ориентиры можно оценить как важные и правильные.

Но что стоит за этими «правильными» формулировками? На самом деле за ними скрывается ярко выраженная конструктивистская позиция. Достаточно сказать, что саму нацию академик рассматривает в конструктивистском ключе и, подчеркнем это еще раз, как форму коллективной идентичности. Важно привести его определение полностью: нация, — пишет он в статье с характерным названием, — это «прежде всего форма коллективного самосознания (идентичности) людей по поводу принадлежности к определенной общности, которую они и считают нацией»<sup>1</sup>. Не случайно на одном из заседаний Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ он предлагал принять федеральный закон «Формирование российской идентичности» в качестве базового для обеспечения реализации национальной политики<sup>2</sup>. Закономерно, что и в основе политики по интеграции российской нации академик видит прежде всего задачу по конструированию и пропаганде соответствующих позитивных образов (Тишков, 2018: 21). В настоящее время, особенно после принятия Стратегии в 2012 году, очевидно, что в этом направлении ведется массивная работа с подключением солидных ресурсов государства, в том числе СМИ.

Такую политику можно оценить в качестве проявления «предписывания идентичности как способа применения конструктивистской методологии» (Федотова, 2013: 59). Эффект конструктивизма и предписывания в купе с четко выраженной либеральной позицией присутствует и в самой Стратегии. Достаточно сказать, что российская нация определяется здесь (если делать акцент на главном, на сути) как сообщество граждан (различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности), обладающих одной качественной характеристикой — гражданским самосознанием. Характерно, что главный целевой показатель реализации Стратегии, как отмечалось, — это уровень общероссийской гражданской идентичности (измеряемый в процентах по итогам массовых социологических опросов). Этот показатель отражен и в Государственной программе<sup>3</sup>. С учетом понимания бюрократической логики действия федеральных и региональных властей нетрудно предположить, что целевые показатели и Стратегии, и Программы будут успешно выполнены и предписанный уровень этой идентичности в документах будет достигнут. Следовательно результат в решении задачи по формированию российской нации формально предопределен.

На самом деле проблема российской нации нуждается в постановке и дополнительном обсуждении, помимо выделенных выше, также и других значимых вопросов, например, о сопоставлении нации с государством, гражданством, которое, как известно, подразумевает не только формальный юри-

<sup>1</sup> Тишков В. Что есть нация. В поисках российской идентичности [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2017. 24 января. URL: // URL: [http://www.ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9\\_6910\\_nacia.html](http://www.ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9_6910_nacia.html) (дата обращения: 20.04.2020).

<sup>2</sup> Заседание Совета по межнациональным отношениям. 31 октября 2016 года [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/26/events/53173> (дата обращения 30.05.2020).

<sup>3</sup> Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 N 1532 (ред. от 31.03.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» [Электронный ресурс] // Консультант. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_210753/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/) (дата обращения: 13.07.2020).



дический статус, но и общественное участие. Очевидно также, что применительно к России как федеративному государству важное значение имеет учет и различение существования двух типов гражданских наций — федеративных и унитарных, поскольку формирование общенационального единства и соответствующей идентичности имеет свою специфику в каждом из них.

Не выдерживает критики и приводимая В. А. Тишковым формула «единства многообразия» и связанная с этим целевая установка Стратегии на сохранение этнокультурного многообразия. Хотя в скорректированной редакции Стратегии присутствует его определение — как совокупности всех этнических культур, оно представляется довольно абстрактным, а главное — не имеющим адекватного содержательного наполнения и необходимой конкретизации в тексте Стратегии, в том числе в ее целевых показателях. Закономерно, что вопросы этнокультурного многообразия и поддержки этнических культур никак не представлены и в целевых показателях Государственной программы, в том числе в ее специальной подпрограмме «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России».

В Стратегии не акцентируется и не проясняется вопрос о субъектах этнокультурного многообразия и носителях этнических культур. Неявно ответ на него присутствует в одном из определений основных понятий Стратегии, и он дан в либерально-конструктивистской интерпретации: «ж) народы, национальности, этнические общности в Российской Федерации — национальный и этнический состав населения Российской Федерации, образующий этнические общности людей, свободно определяющих свою национальную и культурную принадлежность»<sup>1</sup>. То есть этнические общности — это этнический состав населения, который, как известно, определяется по итогам переписей населения как результат персонального отнесения себя конкретным человеком к той или иной национальности, иными словами, это есть идентичность.

Мы солидарны с И. С. Тарбастаевой и считаем, что в качестве субъектов этнокультурного многообразия целесообразно признать прежде всего не отдельных людей (как представителей той или иной национальности), а этнические сообщества (общности), понимаемые в качестве реально существующих коллективных образований, поскольку только в рамках сообществ могут сохраняться и развиваться этнические культуры. Она аргументирует, в частности, позицию, что «этнические сообщества являются первоначальными носителями этнической культуры, которая не может функционировать в рамках отдельного индивида» (Тарбастаева, 2018а: 143). Данный автор представила новый взгляд на этнокультурное разнообразие, переключив внимание с его общего представления (как некоторой этнической структуры) на субъектное видение, понимая этнические сообщества в качестве структурных компонентов разнообразия (Тарбастаева, 2020: 3–4).

Таким образом, можно заключить, что две фундаментальные для Стратегии государственной национальной политики проблемы, касающиеся концептов российской нации и этнокультурного многообразия, оказываются ограниченными и, мягко говоря, недостаточно проработанными.

Слабым местом Стратегии, на наш взгляд, является также отсутствие акцента на региональных особенностях этнокультурного и этносоциального развития России, хотя в ее обновленном варианте сформулировано положение о необходимости учета «этнокультурного фактора при обеспечении сбалансированного, комплексного и системного развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»<sup>2</sup>. Как представляется, с учетом большого разнообразия российских регионов и особенностей протекающих здесь этносоциальных процессов данное положение нуждается в конкретизации. В частности, актуальным является выделение базовых региональных моделей реализации национальной политики с предварительной типологизацией регионов по данному основанию (Попков, 2019) как основа конкретизации целевой установки на сохранение и поддержание этнокультурного разнообразия в регионах, если только под ним понимать не элементарный этнический (национальный) состав населения, не конструктивистскую конструкцию.

<sup>1</sup> Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 13.02.2020).

<sup>2</sup> Там же.



### **Проблемные зоны этносоциального развития Тувы**

Как отмечалось в начале статьи, Стратегия государственной национальной политики и соответствующие программы, обеспеченные солидным финансированием, играют важную роль во внутренней политике государства. С их принятием работа в данной сфере как на федеральном уровне, так и в регионах приобрела более оформленный, более системный и более организованный характер. В то же время выделенные выше проблемы концептуального характера и существующая ныне практика государственного управления в сфере национальной политики, которую можно назвать моделью централизации, снижают эффективность самой этой политики.

В подтверждение правомерности такого вывода и для иллюстрации существующих здесь проблем обратимся к анализу регионального опыта реализации национальной политики на примере одного из субъектов федерации — Республики Тыва (Тувы).

Выбор Тувы определяется двумя основными обстоятельствами. Во-первых, она, как отмечалось, отличается от многих других регионов существенной этнокультурной спецификой, поэтому реализация национальной политики здесь должна предполагать использование не только общих, но и особых подходов, учитывающих данную специфику. Во-вторых, ранее вместе с другими новосибирскими коллегами-этносоциологами мы уже провели подробный сравнительный анализ региональных моделей национальной политики в нескольких сибирских субъектах федерации, различающихся уровнем их социально-экономического развития, конституционно-правовым статусом, этнической структурой населения, интенсивностью и характером миграционной подвижности населения, что находит отражение в особенностях этносоциальных процессов в конкретных регионах (Республики Алтай, Саха (Якутия), Бурятия, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Новосибирская область). В частности наши исследования показали разную степень остроты этносоциальной ситуации, национального вопроса и межнациональных отношений, а также различающийся набор актуальных проблем национальной политики в регионах и наличие разнообразных практик по их решению ([Этносоциальные процессы ...](#), 2015; [Региональные модели ...](#), 2016; [Социокультурный мониторинг ...](#), 2018). Опыт Тувы может добавить новые краски в это разнообразие проблем и управленческих подходов.

Подчеркнем, что в качестве комплексного объекта национальной политики мы рассматриваем не только межэтнические отношения и конфликты, а более широкое предметное поле — этносоциальные процессы во всей их комплексности и системности как результат взаимодействия этносоциальных субъектов (этнических сообществ, этнических групп, диаспор и т. п.), выступающих коллективными носителями этнокультур (см., в частности: [Попков, 2016](#)). В этой связи весьма ценные выводы в свое время сделал К. Леви-Стросс: «Человеческие общества никогда не одиноки; когда они, как кажется, наиболее сепарированы, то все же существуют в виде групп, в какой-то связке» ([Леви-Стросс, 2000: 327](#)), поэтому «всякий культурный прогресс есть функция коалиции культур» (там же: 353), то есть этот прогресс связан с культурным разнообразием. Отсюда следует, на наш взгляд, другой важный вывод: ослабление или затухание межэтнических взаимодействий и сокращение этнокультурного разнообразия неизбежно ведет к культурному регрессу.

Переходя далее к Туве, обратим внимание на несколько проблемных моментов ее современного этносоциального развития, существенно значимых для возможного их отражения в ориентирах и содержании региональной национальной политики.

1. Известно, что в типологии субъектов федерации по этническому составу современная Тува принадлежит к немногочисленному числу регионов России с абсолютным доминированием численности титульного для данного региона этноса. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., из общей численности населения в 307 тыс. чел. тувинцы составляли в республике 82% от указавших свою национальную принадлежность, русские — чуть более 16% (их численность к этому времени сократилась с 1989 г. вдвое). В последующее десятилетие общая численность населения республики ежегодно росла<sup>1</sup>, при этом, согласно экспертным оценкам ([Кан, 2016](#)), число и доля тувинцев продолжает увеличиваться, русского — сокращаться, а сальдо внешней миграции является отрицательным. Главный вектор миграции тувинцев — из села в город (Кызыл), русских — за пределы республики. Налицо ярко выраженная тенденция моноэтнизации региона и сокращение масштабов

<sup>1</sup> Республика Тыва — сколько населения в 1991–2020 году? [Электронный ресурс] // Численность населения. URL: <https://численность-населения.рф/республика-тыва> (дата обращения 15.05.2020).



его этнокультурного разнообразия, что отрицательно сказывается не только на русском населении, но и на развитии тувинского сообщества (Тарбастаева, 2018b).

2. Хотя Тува находится в географическом центре Азии, что имеет для нее важное символическое значение, она принадлежит к так называемым удаленным регионам с высоким уровнем замкнутости экономики (Мельникова, 2019). Это является важной особенностью региона и оказывает существенное влияние не только на развитие собственно экономики, но и на его социокультурное развитие и характер протекающих здесь миграционных и этносоциальных процессов. Важно также, что Тува относится к числу депрессивных регионов (Балакина, 2009).

3. При незначительном влиянии на современное развитие республики внешней миграции, внутренние миграционные процессы оказываются весьма значимым фактором ее этносоциального развития. Так, численность сельского населения сокращается, и село в абсолютном большинстве случаев превращается в моноэтническое. Единственный город Кызыл является неоднородным не только по этническому составу. В настоящее время в нем живут многие группы недавних сельских тувинцев, далеко не всегда успешно адаптированных к городской среде и к городскому сообществу.

4. В условиях сокращения уровня общего этнокультурного многообразия Тувы внутреннее многообразие тувинцев как единого этноса и носителей общей тувинской культуры сохраняется. Этнос и культура неоднородны, как неоднородны их политическая история, природные и социальные условия региона, что определяет сложную субэтническую дифференциацию тувинцев (Ламажаа, 2017; Ламажаа, Намруева, 2018), которая свойственна не только тувинскому этносу вообще (имея я виду наличие субэтнических групп тувинцев в Монголии, Китае и др.), но и самой Республике Тыва. Поэтому актуальным является рассмотрение тувинцев и тувинской культуры сквозь призму внутреннего многообразия. Здесь существуют разные родо-племенные, локальные и профессиональные этнокультурные группы тувинцев, обладающие различающимися традициями, способностями и житейским опытом, но одновременно и сталкивающиеся с разными социальными проблемами. Следовательно планы поддержки этнокультурного многообразия должны учитывать эти проблемы.

5. Тува представляет собой интегральное, но в то же время дифференцированное целое и с точки зрения пространственного развития, которое выражает определенное единство территории, народонаселения и социокультурного облика (Попков, Тюгашев, 2019). Разные локусы социокультурного пространства республики имеют разные проблемы, решение которых входят в сферу действий национальной политики. Наиболее сложным локусом является город Кызыл, как обладающий наиболее выраженными этнокультурным многообразием, этноконтактной плотностью и диапазоном межэтнических взаимодействий. В свою очередь и сам город является неоднородным с точки зрения пространственного профиля и концентрации проблемных зон.

Таким образом, Тува как объект национальной политики представляет собой достаточно своеобразно организованное, внутренне дифференцированное сообщество, требующее не только общих, стандартных, но и особых, адаптированных к конкретным условиям управленческих подходов, сфокусированных на актуальных местных проблемах и соответствующих целевых группах.

### **Проблемы национальной политики Тувы**

Возникает закономерный вопрос, каким образом и насколько полно особенности этносоциального развития современной Тувы и существующие проблемы отражаются в проводимой региональной национальной политике, ее целевых ориентирах и актуальных задачах?

Прежде всего отметим, что к настоящему времени уже проводилось специальное исследование приоритетов национальной политики Тувы в постсоветский период. С опорой на тщательный и всесторонний анализ соответствующей законодательной базы республики это сделала И. С. Тарбастаева (Тарбастаева, 2016, 2017). Она выделяет три основных этапа, для каждого из которых свойственна, на ее взгляд, своя модель национальной политики:

1) 1991–1996 гг. — «этноцентристская модель», характеризующая стремление органов власти, в том числе на законодательном региональном уровне, закрепить доминирующее положение в республике тувинцев как титульного этноса;

2) 1996–2013 гг. — «умеренно-национальная модель», в рамках которой в законодательном порядке провозглашается равенство всех этнических сообществ региона, но с сохранением высокого статуса титульного народа, что аргументируется его особой ответственностью за развитие республики;



3) с 2013 — по настоящее время (2016 г. — год написания статьи. — Ю. П.) — «русскоориентированная модель», опирающаяся на сохранение этнокультурного многообразия за счет поддержания русского (русскоязычного) населения республики и русского языка; такая установка является реакцией на актуальную проблему активного оттока из Тувы русского населения (Тарбастаева, 2017).

Поддерживая основные идеи И. С. Тарбастаевой и выделение данной периодизации, выскажем аргументы в пользу корректировки некоторых положений представленной схемы:

— завершение второго этапа более точно датировать 2012 годом, так как 2013 год страна и республика жили уже под эгидой новых установок Стратегии государственной национальной политики, принятой в декабре 2012 г.;

— второй этап, на наш взгляд, может быть ассоциирован не с «умеренно-национальной», а с регионально-ориентированной моделью национальной политики, поскольку, как верно подчеркивает сам автор, «законодательные документы второй модели в значительной степени отражают собственные региональные ориентиры, не заданные рамками федерального курса» (Тарбастаева, 2016); хотя исходной базой выступала Концепция национальной политики Российской Федерации (1996 г.)<sup>1</sup>, непосредственным руководством к действию служила адаптированная к условиям Тувы аналогичная региональная Концепция (1998 г.)<sup>2</sup>;

— третий этап, с нашей точки зрения, более точно назвать не «русскоориентированной моделью», а моделью централизации.

Для аргументации именно такой оценки третьего этапа можно привести ряд оснований.

Во-первых, Концепция государственной национальной политики Республики Тыва 1998 г. действовала только на втором этапе. За все время она была единственным в данной области документом, «в котором позиция региональной власти изложена концептуально и с учетом специфики этносоциальной ситуации» (Тарбастаева, 2016: 123). Аналогичного нормативного документа на третьем этапе, то есть после утверждения федеральной Стратегии 2012 г., в Туве не существовало и до сих пор не существует. Такая ситуация характерна для абсолютного большинства регионов России, поскольку в качестве законодательной нормы это не предусмотрено.

Во-вторых, основными документами в сфере реализации государственной национальной политики в регионе на третьем этапе являются соответствующие региональные программы. При этом важно отметить, что в начале этого этапа, то есть сразу после принятия федеральной Стратегии, уже само название программного регионального документа имело специфику — Республиканская целевая программа «Национально-культурное развитие народов Республики Тыва на 2013–2016 годы»<sup>3</sup>. После утверждения Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)»<sup>4</sup> название региональной программы было скорректировано: Государственная программа Республики Тыва «Укрепление гражданского единства и национально-культурное развитие народов Республики Тыва на 2014–2016 годы»<sup>5</sup>, но в нем некоторое отличие все-таки сохранялось — здесь речь идет не об этнокультурном, а национально-культурном развитии. В свете дискуссии о трактовке понятий «нация» и «национальное» этот нюанс представляется значимым.

<sup>1</sup> Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Pravo Tech. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/45256696/51652697/> (дата обращения: 16.05.2020).

<sup>2</sup> Об утверждении концепции государственной национальной политики Республики Тыва. Президент Республики Тыва. Указ от 22 апреля 1998 года № 217 [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/906701133> (дата обращения: 04.05.2016).

<sup>3</sup> Об утверждении республиканской целевой программы «Национально-культурное развитие народов Республики Тыва на 2013–2016 годы» [Электронный ресурс] // Архив документов Республики Тыва. URL: <https://tyva.gov.ru/doc/12782> (дата обращения 15.05.2020).

<sup>4</sup> Постановление Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 «О федеральной целевой программе “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)”» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70339260/> (дата обращения 15.05.2020).

<sup>5</sup> Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Укрепление гражданского единства и национально-культурное развитие народов республики Тыва на 2014–2016 годы» [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/430502436> (дата обращения 15.05.2020).



Утверждение Государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» привело к унификации регионального документа, который стал называться Государственная программа Республики Тыва «Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Тыва на 2018–2020 годы»<sup>1</sup>. Но опять же если в тексте самой данной программы при формулировке целей имеет место незначительное терминологическое своеобразие формулировок по сравнению с федеральными документами, то в утвержденном недавно варианте региональной программы на новый срок (2021–2023 гг.) произошла окончательная унификация документа<sup>2</sup>. Для такого вывода достаточно привести обозначенные в Паспорте программы цели программы: «укрепление общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Республики Тыва; гармонизация межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений; сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов Республики Тыва; поддержка коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Республики Тыва; профилактика экстремизма на национальной и религиозной почве; успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов; развитие казачества; развитие некоммерческого сектора» (там же) (они, правда, не совпадают с целями, обозначенными в тексте самой программы).

Аналогичная ситуация присутствует и в формулировках целевых показателей региональной программы. Здесь, как и в федеральных документах, акцент сделан на количественных показателях, отражающих результаты опросов населения, числа проведенных мероприятий и принявших в них участие людей, а также деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций. Примечательно, что из 8 обозначенных показателей 3 (то есть более трети) касаются коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (удивительно при этом, что здесь даже не используется понятие тувинцев-тоджинцев для обозначения конкретной группы этих народов в Туве). Стоит заметить, что, по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., численность тувинцев-тоджинцев составляла всего 1856 чел.

Налицо элементарное калькирование федеральных документов, представленных в них установок и терминов в ущерб существующим региональным особенностям.

Итак, по своим фундаментальным ориентирам региональная программа реализации национальной политики, которая, напомним, является основным документом в данной области управления, дублирует положения федеральных документов — Стратегии государственной национальной политики и соответствующей государственной программы. По сути, ни одна из зафиксированных нами выше реальных актуальных проблем современного этносоциального развития Тувы не нашла отражение в республиканской программе. Данный факт дает основание для вывода о том, что существующую практику управления в сфере национальной политики можно квалифицировать как подпадающую под модель централизации.

### **Заключение**

Современную стадию осуществления национальной политики в России и ее регионах можно не только ассоциировать с моделью централизации, но и характеризовать как стадию рутинизации. Об этом могут свидетельствовать следующие факты. Улеглись дискуссии и страсти по поводу возможного утверждения и названия базового федерального закона в области национальной политики, в результате решили ограничиться корректировкой текста существующей Стратегии. Принята Государственная программа «Реализация национальной политики», на осуществление которой выделены и определенным образом распределены солидные финансовые средства (только из федерального бюджета — около 4 млрд. руб.). В регионах сформированы разнообразные структуры, ответственные за реализацию национальной политики. При органах исполнительной власти на местах образованы

<sup>1</sup> Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Тыва на 2018–2020 годы» [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446646615> (дата обращения 15.05.2020).

<sup>2</sup> Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Тыва на 2021–2023 годы» [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/570773085> (дата обращения 15.05.2020).



консультативные советы по межнациональным отношениям. В рамках реализации Стратегии, федеральной и региональных программы проводится огромное количество разных мероприятий: праздников, фестивалей, конкурсов, форумов, семинаров и т. п. Запущен процесс повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, так или иначе задействованных в этой работе. Отлажены процедуры написания региональных программ реализации национальной политики и их успешного выполнения. В средствах массовой информации все реже поднимаются вопросы, связанные с данной темой. Она не была никак обозначена и в провозглашенных недавно Президентом России национальных целях развития России до 2030 года<sup>1</sup>, хотя вплоть до последнего времени он выделял вопрос межнациональных отношений как важнейший для России<sup>2</sup> (надо, правда, заметить, что такую оценку глава государства давал на заседании Совета по межнациональным отношениям).

Что касается Тувы, то содержание современных официальных программных документов, касающихся реализации национальной политики, текстуально и содержательно больше соответствуют не особенностям этносоциального развития данного региона, а провозглашенным в Стратегии общим целевым ориентирам, базирующимся на определенном концептуальном фундаменте. Из обозначенных в начале нашей статьи детерминант современной российской национальной политики именно этот фактор является сейчас определяющим. С чем это связано? На наш взгляд, главным образом, с реализуемой моделью централизации управления под флагом проанализированной концепции российской нации, а также с четкой бюрократической логикой действия региональных властей, ориентирующихся на благополучные отчетные показатели по успешной реализации государственной национальной политики в регионе. Это не столько изъян региональной тувинской политики, сколько распространенная в абсолютном большинстве субъектов федерации практика, алгоритм стандартных нормативных действий, заданных целевой установкой на конструирование российской нации и существующей моделью управления.

Выйти за рамки данного алгоритма могут себе позволить только «сильные» субъекты, обладающие не только самостоятельным административным и финансовым ресурсом, но также располагающие профессиональным кадровым составом служащих и серьезным научным потенциалом. К числу таких «отклоняющихся» субъектов принадлежат Москва, где разработана и действует собственная Стратегия национальной политики города<sup>3</sup> и Новосибирск, в котором сейчас осуществляется городская Концепция реализации национальной политики<sup>4</sup>, а недавно утверждена «Концепция устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года»<sup>5</sup>, которая будет действовать со следующего года. В данных документах отражены не только общенациональные, но и значимые местные ориентиры национальной политики, определяемые на основе профессиональной диагностики актуальных тенденций и реальных проблем этносоциального развития местных сообществ. Именно такой подход может обеспечить наибольшую эффективность в реализации государственной национальной политики на региональном и муниципальном уровнях.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В. (1999) Межнациональные отношения в Туве в 90-е годы (по материалам этносоциологических исследований). М. : Институт этнологии и антропологии РАН. 336 с.

<sup>1</sup> Указ о национальных целях развития России до 2030 года [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 29.07.2020).

<sup>2</sup> Заседание Совета по межнациональным отношениям при президенте Российской Федерации 29 ноября 2019 г. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62160> (дата обращения 15.07.2020).

<sup>3</sup> О Стратегии национальной политики города Москвы на период до 2025 года (с изменениями на 17 декабря 2019 года) [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/537994992> (дата обращения: 15.07.2020).

<sup>4</sup> Концепция реализации национальной политики города Новосибирска [Электронный ресурс] // Управление общественных связей мэрии Новосибирска. URL: <http://www.uos.novo-sibirsk.ru/assets/files/documents/municipal/konceptsiya-nac-polit.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).

<sup>5</sup> О Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года. Постановление мэрии города Новосибирска. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации города Новосибирска. URL: <http://nskpravo.info/upload/iblock/01f/2020%201831.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).



Анайбан, З. В. (2008) История этносоциологических исследований в Туве // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания / составители: Н. А. Дубова, Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М. : Старый сад. 360 с. С. 243–249.

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск: Наука. 137 с.

Балакина, Г. Ф. (2009) Стратегии развития депрессивного региона. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 344 с.

Кан, В. С. (2015) Основные тенденции этносоциального развития Тувы // Этносоциальные процессы в Сибири : тематический сборник. / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск : Изд-во СО РАН. Вып. 10. 231 с. С. 128–133.

Кан, В. С. (2016) Этносоциальный профиль тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/94> (дата обращения: 10.08.2016).

Ламажаа, Ч. К. (2008) Тува между прошлым и будущим. М. : Восход-А. 500 с.

Ламажаа, Ч. К. (2010) Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. СПб. : Алетейя. 208 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013а) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Издательский дом «Либроком». 272 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013b) Тувиноведение : новые горизонты. М. : Книжный дом «Либроком». 184 с.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История. 240 с.

Ламажаа, Ч. К. (2016) Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/93> (дата обращения: 15.07.2020).

Ламажаа, Ч. К. (2017) Проблемы определения и изучения субэтнических групп тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы, № 1. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2017.1.1>

Ламажаа, Ч. К., Намруева, Л. В. (2018) Субэтнические дифференциации российских этносов (на примере калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 2. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.11>

Леви-Строс, К. (2000) Путь масок. М. : Республика. 399 с.

Малахов, В. С. (2001) Скромное обаяние расизма и другие статьи. М. : Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги». 175 с.

Мельникова, Л. В. (2019) Удаленная малая экономика: теоретические основания и эмпирические наблюдения // Новые исследования Тувы. № 3. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.8>

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2019) Пространственный образ Тувы в объективе социокультурной феноменологии // Новые исследования Тувы. № 3. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.1>

Попков, Ю. В. (2016) Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (дата обращения: 02.07.2020).

Попков, Ю. В. (2019) Государственная национальная политика: проблемы и концептуальные лакуны // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Т. 15, № 3. С. 345–366. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.302>

Попков, Ю. В. (2020) Дискурс идентичности в концептуально-проблемном поле современной российской национальной политики // Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск: Изд-во НГТУ. 256 с. С. 230–246.

Региональные модели государственной национальной политики современной России (2016): в 2 ч. / М. А. Абрамова, В. Г. Костюк, С. А. Мадюкова, О. А. Персидская, Ю. В. Попков; под. ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Манускрипт. Ч. I. 176 с.

Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика: монография (2018) / под. ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Изд-во НГТУ. 347 с.

Тарбастаева, И. С. (2016) Правовое поле этнонациональной политики в Республике Тыва (1991 — наст. вр.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/98> (дата обращения: 10.04.2020).

Тарбастаева, И. С. (2017) Региональные модели национальной политики в республике Тыва: 1991–2016 гг. // Региональная политика — 2016 : сборник статей и аналитических докладов / под ред. Д. Орлова. М.: ООО «Грифон». 400 с. С. 297–306.

Тарбастаева, И. С. (2018а) Коллективные права этнических сообществ как условие сохранения этнокультурного разнообразия // Сибирский философский журнал. Т. 16, № 3. С. 143–151. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2018-16-3-143-151>

Тарбастаева, И. С. (2018b) Тува превращается в моноэтнический регион: риски и перспективы // ЭКО. № 5 (527). С. 65–80.

Тарбастаева, И. С. (2020) Коллективные права этнических сообществ: социально-философский анализ: дисс. ... канд. филос. наук. Новосибирск. 153 с.



- Тишков, В. А. (2016) От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. № 5. С. 5–12.
- Тишков, В. А. (2018) Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачева до Путина) // Вестник российской нации. № 6. С. 9–30.
- Тишков, В. А., Артемова, О. Ю., Андерсон Д. Дж., Архютов Д. В., Балзер, М. М., Головнев, А. В., Филиппов, Р. В., Швайцер, П. (2020) Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. № 2. С. 72–137. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>
- Федотова, Н. Н. (2013) Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 52–62.
- Федотова, Н. Н. (2019) Социальное государство — результат эволюции национального государства // Вопросы философии. № 10. С. 17–21. DOI: <https://doi.org/10.31857/S004287440007155-5>
- Этносоциальные процессы в Сибири (2000) : тематический сборник / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Издательство СО РАН. Вып. 3. 267 с.
- Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири (2015) / под. ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 273 с.

Дата поступления: 29.07.2020 г.

#### REFERENCES

- Anaiban, Z. V. (2008) Istoriiia etnosotsiologicheskikh issledovaniia v Tuve [The history of ethno-sociological research in Tuva]. In: *Etnosotsiologiia i etnosotsiologi. Issledovaniia, poiski, vospominaniia [Sociology and ethnosociology. Research, examination, memories]* / comp. by N. A. Dubova, L. V. Ostapenko and I. A. Subbotina. Moscow, Staryi sad. 360 p. Pp. 243-249. (In Russ.).
- Anaiban, Z. V. (1999) *Mezhnatsional'nye otnosheniia v Tuve v 90-e gody (po materialam etnosotsiologicheskikh issledovaniia) [Inter-ethnic relations in Tuva in the 90s (based on materials of ethno-sociological research)]*. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN. 336 p. (In Russ.).
- Balakina, G. F. and Anaiban Z. V. (1995) *Sovremennaia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy [Contemporary Tuva: socio-cultural and ethnic processes]*. Novosibirsk, Nauka, Sib. izd. firma. 137 p. (In Russ.).
- Balakina, G. F. (2009) *Strategii razvitiia depressivnogo regiona [Strategies for the development of a depressive region]* / ed. by S. V. Paramonov. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 344 p. (In Russ.).
- Kan, V. S. (2015) Osnovnye tendentsii etnosotsial'nogo razvitiia Tuvy [Main trends of ethnic and social development of Tuva]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri [Ethnosocial processes in Siberia]: a thematic collection* / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, SO RAN Publ. Vol. 10. 231 p. Pp. 128–133. (In Russ.).
- Kan, V. S. (2016) Etnosotsial'nyi profil' tuvintsev [Ethnosocial profile of Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/94> (access date: 10.08.2016). (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2008) *Tuva mezhdū proshlym i budushchim [Tuva between the past and future]*. Moscow, Voskhod-A. 500 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2010) *Klanovost' v politike regionov Rossii. Tuvinskie praviteli [The clan politics of Russia's regions. The Leaders Of Tuva]*. St. Petersburg, Aleteiia. 208 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2013a) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society. The Tuvan phenomenon]*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 272 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2013b) *Tuvinovedenie : novye gorizonty [Tuvan studies: new horizons]*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 184 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Natsional'nyi kharakter tuvintsev [National character of Tuvans]*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriiia. 240 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2016) Tuvinskaia etnichnost' i sotsium v etnosotsiologicheskikh i antropologicheskikh issledovaniiakh [Tuvan ethnicity and the society in ethnosociological and anthropological studies]. *New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/93> (access date: 15.07.2020).
- Lamazhaa, Ch. K. (2017) Problemy opredeleniia i izucheniia subetnicheskikh grupp tuvintsev [Sub-ethnic groups of the Tuvans : problems of definition and research]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–21. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2017.1.1>
- Lamazhaa, Ch. K. and Namrueva, L. V. (2018) Subetnicheskie differentsiatsii rossiiskikh etnosov (na primere kalmykov i tuvintsev) [Sub-ethnic differentiations of Russian ethnic groups: the case of Kalmyks and Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 206–225. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.11>



Lévi-Strauss, C. (2000) *Put' masok [La voie des masques = The way of the masks]*. Transl. from Fr. Moscow, Respublika. 399 p. (In Russ.).

Malakhov V. S. (2001) *Skromnoe obaianie rasizma i drugie stat'i [Modest charm of racism and other articles]*. Moscow, Modest Kolerov i «Dom intellektual'noi knigi». 175 p. (In Russ.).

Melnikova L. V. (2019) Udalennaiia malaia ekonomika: teoreticheskie osnovaniia i empiricheskie nabliudeniia [A small remote economy: theoretical framework and empirical observations]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 89–101. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.8>

Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. (2019) Prostranstvennyi obraz Tuvy v ob'ekte sotsiokul'turnoi fenomenologii [The spatial image of Tuva in the focus of sociocultural phenomenology]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 4–14. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.1>

Popkov, Yu. V. (2016) Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: aktual'nye voprosy teorii i praktiki [Ethnosocial processes in Siberia: Topical issues of theory and practice]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 5–31 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (access date: 02.07.2020). (In Russ.).

Popkov, Yu. V. (2019) Gosudarstvennaia natsional'naia politika: problemy i kontseptual'nye lakuny [State National Policy of Russia: Problems and Conceptual Lacunas]. *Politicheskaiia ekspertiza: POLITEKS*, vol. 15, no. 3, pp. 345–366. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.302>

Popkov, Yu. V. (2020) Diskurs identichnosti v kontseptual'no-problemnom pole sovremennoi rossiiskoi natsional'noi politiki [The discourse of identity in the conceptual and problematic field of modern Russian national politics]. In: Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. *Etnokul'turnyi neotraditsionalizm i identichnost' v sovremennykh sotsiokul'turnykh transformatsiakh [Neo-ethno-cultural and identity in contemporary socio-cultural transformations]*. Novosibirsk, NGTU Publ. 256 p. Pp. 230–246. (In Russ.).

*Regional'nye modeli gosudarstvennoi natsional'noi politiki sovremennoi Rossii [Regional models of state national policy in modern Russia]* (2016): in 2 parts / M. A. Abramova, V. G. Kostyuk, S. A. Madiukova, O. A. Persidskaia and Yu. V. Popkov; ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Manuscript. Part I. 176 p. (In Russ.).

*Sotsiokul'turnyi monitoring gorodskogo mezhetnicheskogo soobshchestva: metodologiya, metodika, praktika: monografiia [Socio-cultural monitoring of the urban interethnic community: methodology, methodology, practice]* (2018) / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, NGTU Publ. 347 p. (In Russ.).

Tarbastaeva, I. S. (2016) Pravovoe pole etnonatsional'noi politiki v Respublike Tyva (1991 — nast. vr.) [The legal field of ethnic policy in the Republic of Tyva since 1991]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 116–140 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/98> (access date: 10.04.2020). (In Russ.).

Tarbastaeva, I. S. (2017) Regional'nye modeli natsional'noi politiki v respublike Tyva: 1991–2016 gg. [Regional models of national policy in the Republic of Tuva: 1991–2016]. In: *Regional'naia politika — 2016 [Regional policy 2016]: collection of articles and analytical reports* / ed. by D. Orlov. Moscow, OOO «Grifon». 400 p. Pp. 297–306. (In Russ.).

Tarbastaeva, I. S. (2018a) Kollektivnye prava etnicheskikh soobshchestv kak uslovie sokhraneniia etnokul'turnogo raznoobrazia [Collective rights of ethnic communities as the condition of preserving the ethno-cultural diversity]. *Sibirskii filosofskii zhurnal*, vol. 16, no. 3, pp. 143–151. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2018-16-3-143-151>

Tarbastaeva, I. S. (2018b) Tuva prevrashchaetsia v monoetnichnyi region: riski i perspektivy [Tuva is becoming a mono-ethnic region: risks and prospects]. *EKO*, no. 5 (527), pp. 65–80. (In Russ.).

Tarbastaeva, I. S. (2020) *Kollektivnye prava etnicheskikh soobshchestv: sotsial'no-filosofskii analiz [Collective rights of ethnic communities: a socio-philosophical analysis]*: Diss. ... Candidate of Philosophy. Novosibirsk. 153 p. (In Russ.). (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2016) Ot etnosa k etnichnosti i posle [From ethnos to ethnicity and after]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 5–12. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2018) Kontseptual'naia dinamika etnopolitiki v Rossii (ot Gorbacheva do Putina) [Conceptual dynamics of ethnopolicy in Russia (from Gorbachev to Putin)]. *Vestnik rossiiskoi natsii*, no. 6, pp. 9–30. (In Russ.).

Tishkov, V. A., Artemova, O. Yu., Anderson, D. Dzh., Arkhiutov, D. V., Balzer, M. M., Golovnev, A. V., Filippov, R. V., Shvaitser, P. (2020) Otkuda i kuda prishla rossiiskaia etnologiya: personal'nyi vzgliad v global'noi perspektive [From Where is Russian Ethnology and Where is it Going? A Personal View in Global Perspective]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 72–137. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>

Fedotova, N. N. (2013) Kontseptsii identichnosti v usloviakh nelineinnoi sotsiokul'turnoi dinamiki [The conceptions of identity in the context of nonlinear socio-cultural dynamics]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 52–62. (In Russ.).



Fedotova, N. N. (2019) Sotsial'noe gosudarstvo — rezul'tat evoliutsii natsional'nogo gosudarstva [Welfare state is a result of the nation-state's evolution]. *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 17–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S004287440007155-5>

*Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri [Ethnosocial processes in Siberia]* (2000): thematic collection / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, SO RAN Publ. Vol. 3. 267 p. (In Russ.).

*Etnosotsial'nye protsessy i etnonatsional'naia politika v regionakh Sibiri [Ethno-social processes and ethno-national policy in the regions of Siberia]* (2015) / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, SO RAN Publ. 273 p. (In Russ.).

*Submission date: 29.07.2020.*